

Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем

Е.Н. АНДРЕЕВА, кандидат географических наук, ФИЦ «Проблемы информатики и управления», Институт системного анализа РАН, Москва

Масштабные задачи развития арктических регионов России приходится решать на фоне накопившихся за последние десятилетия проблем. На всех уровнях – от федерального и регионального до корпоративного и малого бизнеса – продолжается поиск наиболее эффективных форм адаптации к сложным реалиям с помощью новых методов территориальной интеграции и взаимодействия производства, науки и образования при активизации социальной сферы. На законодательном уровне прорабатываются подходы к формированию новых территориальных образований – опорных зон на базе уже существующих попыток кластерных объединений как мощных ядер будущего социально-экономического развития Арктики. При всей целесообразности формирования опорных зон развития прослеживаются изначальная бюрократизация процесса управления, недостаточное внимание к уже накопленному опыту советского территориально-градостроительного планирования и слабое взаимодействие с региональными научными центрами и их методологическими разработками.

Ключевые слова: Арктика, опорные зоны, реиндустриализация, территориальное планирование, кластеры, объекты управления

Огромное значение Арктического региона уже ни у кого не вызывает сомнения, так же как и осознание того, что этот регион не может осваиваться методами советских пятилеток, а по мере продвижения в высокие широты (на арктический шельф, в прибрежную зону и приморские территории) возрастают объемы необходимых инвестиций и финансовые риски.

Главная сложность внедрения новых подходов и методов при формировании пространства, ячеек каркаса территории заключается в том, что инерционность уже сложившихся структур и управленческих методов все еще велика, а новые предложения, разработанные и даже закреплённые как обязательные к исполнению в правительственных документах, с трудом пробивают дорогу. Такую ситуацию можно объяснить сложностями перехода от привычного жестко централизованного управления к необходимости установления равных прав для разных участников процесса освоения Арктики. Даже при понимании того, что у всех у них общая цель – модернизация устаревших производств и создание

новых на базе прогрессивных технологий, соответствующих установкам устойчивого развития территорий и удовлетворения социальных запросов населения, единые правила пока не складываются [1, 2, 3, 4].

Арктическая зона России, состоящая из северных частей восьми субъектов Федерации, в связи с совершенно уникальными обстоятельствами практически приблизилась к положению особого и самостоятельного объекта государственного регулирования и управления. К данным обстоятельствам относятся: огромный и разнообразный ресурсный потенциал территории; определяющая роль добываемого сырья в экспортных доходах страны; высокая уязвимость экологической системы Арктики, от которой зависит состояние многих регионов мира; урбанизация освоенных территорий (80% населения проживает в городах и поселках городского типа). Непомерные издержки при промышленном производстве и содержании коммунального хозяйства неизбежно стимулируют поиски методов и решений снижения расходов, отсюда – объективная необходимость в построении здесь инновационной экономики. Лишь от успеха этого направления зависит, будет ли Арктика развиваться в современном формате XXI в., или же она застрянет в XX в. со своими изношенными фондами и продолжающимся оттоком населения в более благополучные регионы.

Гарантом и необходимым участником движения Российской Арктики по инновационному пути развития может быть только государство. Надежды на частные капиталы и рынок себя не оправдали. Частные компании, получившие в свое владение то, что было наработано в советские времена, занимаются не освоением территории, а эксплуатацией богатых месторождений, больше в своих интересах, нежели Арктики или страны и ее населения. Об этом свидетельствуют и недостаточный уровень вложений средств в НИОКР, и низкие расходы по статье корпоративной социальной ответственности, притом что почти все владельцы российских добывающих компаний фигурируют в списке Forbes.

Тем не менее даже при столь неблагоприятных обстоятельствах и несмотря на все противоречия государственной политики, в Российской Арктике постепенно выстраивается новое пространство с модернизированными предприятиями,

обслуживающими крупные государственные заказы и потребности больших компаний, формируя тем самым региональные кластеры, которым будет отведена главная роль в формировании ее нового облика.

Новые авангардные области развития, как правило, привязаны к локализации крупнейших месторождений стратегических видов сырья, городам и поселкам, обслуживающим эти месторождения или производящим для них необходимые оборудование и материалы, а также морским портам и портопунктам, связанным с морскими и речными транспортными путями, имеющими выход к Северному Ледовитому, Тихому и Атлантическому океанам.

Иерархия проблем и подходов

В последние десятилетия полярные территории, независимо от их национального протектората, все чаще становятся областью реализации пилотных проектов по внедрению инновационных методов освоения, новейших экосбалансированных технологий производства, информационных технологий и средств связи, мониторинга природных и социальных процессов. Такие подходы к освоению ресурсов и пространства Арктики в современном миропорядке диктуются, с одной стороны, планами создания мощной сырьевой и производственной базы полярных стран в экстремальных природно-климатических условиях, а с другой – высокими инвестиционными рисками и требованиями рынка соответствовать мировым стандартам. Продукция, создаваемая в Арктике, должна быть не только востребованной на внутреннем и мировом рынках, но и конкурентоспособной. При этом сегодня также стоит задача не разрушать те уникальные ресурсы этого региона, которые пока еще менее задействованы в хозяйственном развитии или относятся к ресурсам отложенного спроса, но в будущем могут иметь значение даже выше, чем столь востребованные сегодня запасы энергетического и минерального сырья [5].

На пути реализации столь масштабных планов в России пока стоят преграды, которые, к сожалению, нельзя преодолеть завтра или в ближайшем будущем. К их числу относятся: недостаточное, а чаще скудное, финансирование, обусловленное дефицитом бюджетных средств и выбором других приоритетов для государственных вливаний (расходы на ВПК и военные действия, на новые крымские объекты и т.д.); острый дефицит профессиональных

кадров при отсутствии действенных стимулов для привлечения специалистов к работе в сложном климате и в условиях примитивной инфраструктуры; недостаток собственных технологий и удручающее состояние науки, призванной эти технологии разрабатывать (в период сокращения финансирования «северных проектов» многие ученые и инженеры, работающие в этой области, – уехали за рубеж); отсутствие эффективной системы управления сложными ресурсно-территориальными объектами и, наконец, коррумпированный корпус управленцев всех рангов, тормозящих полезные инициативы, переводящих средства господдержки в нецелевые расходы.

Все эти негативные факторы хорошо известны, и нет сомнения, что они учитывались при разработке многочисленных программных документов по Арктике: это и «Концепция устойчивого развития Арктической зоны РФ» (2006), и «Основы госполитики в Арктике до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (2008), и «Стратегия развития Арктической зоны» (2013), и Госпрограмма социально-экономического развития Арктической зоны до 2020 г. (2014). Однако, если реально подходить к ситуации на местах и учитывать настроения людей, становится очевидно, что едва ли не *ведущую роль в достижении амбициозных целей России в Арктике будет играть социальная политика.*

Сегодня довольно трудно добиться добровольного переселения людей в районы с неблагоприятными природно-климатическими условиями, тем более при отсутствии современной производственной и социальной инфраструктуры. Кроме того, старшее поколение, отдавшее не один десяток лет работе на арктических месторождениях или на метеостанциях приполярного побережья и потерявшее свои накопления в ходе «шоковой терапии» 1990-х годов, уже объяснило популярно своим детям сомнительные преимущества работы на Севере. «Чемоданные» настроения преобладают как среди старших, так и молодых жителей северных регионов. Об этом свидетельствуют устойчивая тенденция снижения численности населения последних (кроме Ненецкого, Ямало-Ненецкого округов и Республики Саха (Якутия)) и специальные социологические исследования.

Приведем полученные результаты опросов в Архангельской области, весьма характерные для большинства северных регионов. Главными проблемами, выталкивающими молодёжь из сельских

территорий, опрошенные считают невозможность достойного трудоустройства (79%), отсутствие объектов современного досуга (52%), нехватку благоустроенного жилья (45%), неуверенность в будущем поселении (32%), низкие доходы и недоступность образования (по 14%). Жители прибрежных поселений массово акцентируют внимание на отсутствии доступа к медицинским и образовательным услугам, на транспортной недоступности территорий, отсутствии или деградации сельскохозяйственных и промышленных производств, невозможности приложения своих способностей, образования и квалификации [6].

Опорные зоны – новые пространственные структуры со старой начинкой

Очередным этапом законотворчества по формированию новых пространственных структур в Арктике стал проект нового ФЗ «О развитии Арктической зоны РФ» (2016). В нем эта зона РФ рассматривается как *единый объект управления, с формированием федерального органа исполнительной власти и новым комплексным подходом к территориальному и социально-экономическому развитию – созданием опорных зон*. Опорная зона определяется как «комплексный проект планирования и обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны, направленный на достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике, предусматривающий синхронное взаимоувязанное применение действующих инструментов территориального и отраслевого развития, а также механизмов инвестиционных проектов, в том числе на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства».

Всего в Арктике предлагается создание восьми опорных зон (Кольской, Архангельской, Ненецкой, Ямало-Ненецкой, Воркутинской, Таймыро-Туруханской, Северо-Якутской и Чукотской). Каждая зона в инфраструктурном плане будет базироваться на портах, и, соответственно, все они будут связаны основной транспортной магистралью – Северным морским путем. На современном этапе в Ямало-Ненецкой опорной зоне важное место занял новый морской порт Сабетта (восточное побережье п-ова Ямал), уже отправивший добытую нефть Новопортовского месторождения танкерами в западном направлении.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что комплексный территориальный подход более эффективен, чем отраслевой, особенно в таком регионе, как Российская Арктика, с ее огромными пространствами, большими различиями в природном, ресурсном, этнографическом и экологическом планах, не говоря уже о различных уровнях освоенности тех или иных территорий. Это прекрасно понимали еще в годы СССР, когда в качестве основной концепции освоения новых территорий была принята стратегия создания территориально-производственных комплексов (ТПК). Социальный и экономический эффект при формировании ТПК достигался за счет комплексного и рационального развития всей производственной инфраструктуры, использования локальных природных (земельных, водных, сырьевых) и трудовых ресурсов. Создание ТПК было признано наиболее эффективной пространственной формой организации производительных сил, в которой реализуются преимущества специализации, кооперирования, комбинирования различных элементов хозяйственной системы.

Созданные в советские годы крупные ТПК в северных регионах России работают до сих пор. Мурманский, Тимано-Печорский, Северо-Обский, Северо-Енисейский ТПК представляют собой промышленный каркас всего Заполярья. Сплошного территориального освоения в Арктике никогда не было и быть не могло, из-за крайне неблагоприятных природно-климатических условий, и слишком высоких затрат на все виды производственных работ, социальную инфраструктуру и содержание персонала. Кроме того, сплошное территориальное освоение в арктических широтах недопустимо и по экологическим соображениям, поскольку высокоуязвимые природные системы способны выдержать крайне ограниченные в пространстве антропогенные нагрузки. Площадь освоенных земель по законам устойчивого развития может увеличиваться в южном направлении, но охраняемые территории и неосвоенные земли отложенного спроса в Арктике – залог поддержания экологического баланса, влияющего на все остальные экосистемы Земли.

Словом, очаговый тип освоения на базе крупных месторождений стратегических видов полезных ископаемых и сегодня, и в будущем остается единственно приемлемым в Арктике. Но сейчас перед нами остро стоит задача модернизации имеющегося наследия

и особенно – внедрения более энергоэффективных и экологичных производственных технологий.

Кластеризация – инициатива снизу

Понятно, советские подходы к формированию и развитию ТПК (кстати, весьма эффективно и творчески используемые во многих зарубежных странах) сегодня требуют переосмысления и модернизации. В новой России неприемлемо развитие производства полностью за счет госбюджета, так же как использование на северных предприятиях определенного контингента, не требующего высокой оплаты тяжелого труда. На смену идеологии ТПК в пространственной экономике пришел кластерный подход, который уже давно успешно работает во всех странах Запада и имеет огромный потенциал в РФ.

Кластеры, как зоны высокой концентрации экономической деятельности хозяйствующих субъектов, позволяют внедрить новые формы инновационных процессов, повышающих производительность труда и уровень специализации всех участников.

Цель кластерного подхода заключается в активизации деятельности по реализации производственных проектов на определенной территории, которые должны обеспечить рост эффективности производства, диверсификацию и совершенствование структуры экономики, повышение ее конкурентоспособности, когда на соответствующем рынке будет конкурировать не отдельное предприятие, а крупный промышленный комплекс. Так, например, модель нефтегазового кластера в Арктике представляет собой сбалансированное взаимодействие группы производственных, сервисных, научных и образовательных организаций (предприятия по переработке нефти, нефтехимические, геологоразведочные и нефтедобывающие компании, услуги ледокольного и танкерного флота, портовой инфраструктуры, вузы и научные организации).

Однако, как свидетельствует мировой опыт, наиболее успешные кластеры формируются там, где осуществляется или ожидается «прорыв» в области техники и технологии производства с последующим выходом на новые рыночные ниши. «Собирание» же кластеров из «обломков и отходов» отраслей и секторов рынка, находящихся в состоянии упадка, как правило, не приводит к успеху.

На наш взгляд, в Арктике целесообразно развивать такие кластеры на основе уже имеющихся основных центров добычи и переработки ресурсов, максимально привязывая их к пересечению транспортных путей: морских, речных, воздушных, железнодорожных. Ведущие экономисты, в том числе академики А.Г. Аганбегян и А.Г. Гранберг, предлагали начинать обновление производственного потенциала в Арктике именно с восстановления и дальнейшего формирования локальных портово-промышленных узлов или центров, с постепенным превращением их в современные аква-территориальные производственные комплексы.

Анализ формирующихся к настоящему времени в Арктической зоне кластеров позволяет выделить несколько ведущих секторов, которые, как представляется, в ближайшей перспективе получат наиболее интенсивное развитие: топливно-энергетический, лесопромышленный комплекс, логистика, экология и туризм, биотехнологии, АПК.

Значительный потенциал для формирования кластеров имеют наиболее промышленно развитые Мурманская и Архангельская области. Каждый из этих регионов имеет свою специфику, оба исторически ориентированы на обслуживание нефтегазового сектора и участие в деятельности, обеспечивающей эксплуатацию Северного морского пути. Возникшая между Мурманском и Архангельском конкуренция за статус главного логистического оператора, на наш взгляд, временная и имеет мало смысла, потому что каждый регион, выполняя определенные функции, вкладывает в «арктическую копилку» свою лепту. В сфере нефтегазодобычи оба региона связаны с освоением месторождений Баренцева и Карского морей, что влечет за собой необходимость обустройства береговой инфраструктуры, от состояния которой будут зависеть и успехи в разработке полезных ископаемых, и круглогодичное использование Северного морского пути, и заинтересованность зарубежных инвесторов в участии в арктических проектах.

Однако нужно учитывать, что процесс инновационной перестройки с формированием взаимодействия многих игроков, от фирм до органов региональной власти, требует немалого времени. Кроме того, поскольку в Арктической зоне сложилась непростая экономическая ситуация, обусловленная почти

двадцатилетним периодом забвения и застоя, очевидно, что кластерный подход не может быть реализован здесь без специальной подготовки, государственных дотаций, интенсивной кооперации усилий как бизнеса всех уровней, так и органов муниципальной и региональной власти.

В 2006 г. Советом Федерации совместно с Научно-исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при содействии российско-канадской программы NORDEP были подготовлены «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных регионах». В рекомендациях был определен широкий круг вопросов по участию всех уровней органов власти в поддержке и продвижении региональных кластеров, проведен анализ уже имеющихся кластерных инициатив в северных регионах, рассмотрены задачи и инструменты кластерной политики [7].

Новый законопроект – поддержка или тормоз инициативам?

Как уже упоминалось, идея опорных зон в Арктике изложена в проекте нового ФЗ «О развитии Арктической зоны РФ», представленного летом 2016 г. на обсуждение заинтересованных ведомств и научного сообщества в качестве главной формы пространственного развития регионов.

На сегодняшний день нет окончательного решения: будет ли новый законопроект принят в качестве основного федерального акта или превратится в «точечные» подзаконные акты. Пока он находится на рассмотрении Правительства РФ, продолжается анализ предложений регионов, а также финансовых возможностей его реализации. Перспективы последних не очень радужные: Минэкономразвития России с учетом замечаний Минфина предложило сократить расходы на госпрограмму по развитию Арктики с 2017 г. по 2025 г. вчетверо (с 209,7 млрд до 50,9 млрд руб.) [8. С. 2]. Впрочем, независимо от объема будущего финансирования, законопроект вызвал немало вопросов у экспертного сообщества.

Например, возникают сомнения по поводу целесообразности предложенного механизма управления развитием Арктической зоны. Для этих целей предполагается создать новый уполномоченный орган исполнительной власти, а для каждой опорной

зоны (их предусмотрено восемь – по количеству субъектов Федерации в зоне) – «Проектный офис опорной зоны развития». Судя по перечню прав и обязанностей новообразований, создаются еще две тяжелые бюрократические структуры, промежуточные между федеральными органами и функционирующими в регионе предприятиями.

Все полномочия по разработке научных программ, отбору тематик для включения в государственный план научных исследований будут переданы новому исполнительному органу, который должен будет совместно с руководством арктических субъектов Федерации, органами местного самоуправления этот план согласовывать и контролировать его исполнение.

Есть ли необходимость создавать новый орган, когда существует большое количество высокопрофессиональных научных центров, в которых накоплен большой аналитический и информационный материал по Арктике и Северу, представлены научно проработанные планы перспективных исследований на базе многолетних работ по изучению всего комплекса проблем? Не строим ли мы в лице нового органа еще одно Сколково, куда вложены миллиарды бюджетных средств, но до сих пор не получены научные результаты, соответствующие таким вложениям. На наш взгляд, отвлечение финансовых средств на обеспечение и функционирование еще одной бюрократической структуры при крайне ограниченном бюджете вряд ли будет способствовать решению проблем конкретных предприятий, нуждающихся в поддержке льготными кредитами и налогами.

Более того, в новом законе северяне так и не увидели ответов на волнующие их вопросы: будет осваиваться Арктика вахтовым методом или нужны полноценные поселения со всем спектром обслуживания; когда решится проблема земель традиционного природопользования для коренных народов Севера; правомерна ли региональная практика установления арендных платежей оленями пастбищами на уровне 300 тыс. руб. в год (в Воркутинском районе, притом что в Ненецком округе аналогичные платежи составляют 18 тыс. в год); когда будет принят закон о безвозмездном и бессрочном пользовании землями для коренного населения; когда, наконец, в Арктике введут рентные платежи при разработке полезных ископаемых, или, к примеру,

налог на прогрессивный капитал, чтобы этот регион мог начать полноценно развиваться?

К сожалению, не впервые приходится сталкиваться с квазиновыми подходами в региональной политике, которые затушевывают реальную картину на местах, создают бюрократические преграды для свободного развития, вводят дополнительную отчетность, проверки, тормозят своими постановлениями здоровую инициативу с мест. По сравнению с 1990-ми годами в регионах ситуация изменилась, на местах органы самоуправления и союзы предпринимателей приобрели экономическую и социальную грамотность и видение своих перспектив. Очевидно, сегодня стоит больше внимания уделить опыту западных стран, значительно преуспевших в кластеризации: они дают хорошие примеры, когда помощь и участие государственных органов оказываются по мере необходимости и не сковывают инициативу снизу [9, 10].

В процессе создания и формирования опорных зон в Арктике предусмотрены три этапа. На первом (до 2020 г.) планируется разработать их концепцию и запустить систему информационной поддержки, на втором (2021–2025 гг.) предполагаются запуск пилотных проектов опорных зон, наполнение их научными и технологическими решениями, на третьем этапе (2026–2030 гг.) они начнут полноценную работу. Для каждой опорной зоны будет разработана своя стратегия развития. В целом для реализации госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» потребуется 260,2 млрд руб.

Наиболее подготовленными на сегодня к формированию опорного каркаса реиндустриализации Арктики считаются Кольская, Архангельская и Северо-Якутская зоны. Все они имеют веские экономические предпосылки для ускоренного развития и в последние годы ориентировались на формирование кластеров определенной специализации на базе уже имеющихся промышленных предприятий и компаний, связанных в своей деятельности с профильным центром.

Реализация проекта *Кольской опорной зоны* в полном масштабе требует определенных решений на федеральном уровне, в частности о наделении Мурманского морского порта статусом особой портовой зоны, а также о механизмах формирования так называемой Поморской зоны в Баренцевом регионе (последний

проект затрагивает также Архангельскую область). На основе отраслей, определяющих специализацию региона в настоящее время, могут быть сформированы морской, горнохимический и рыбный кластеры [10]. Они представлены рядом крупных компаний, конкурентоспособных не только на национальном рынке, но и на мировом. Область располагает портовыми мощностями (действующими и проектируемыми), судами разного профиля и ледокольным флотом, есть ремонтная база, высококвалифицированные рабочие и управленческие кадры. Создание в Мурманской области некоммерческой организации «Ассоциация поставщиков нефтегазовой промышленности “Мурманшельф”», в которую вошли представители Правительства области, Союза промышленников и предпринимателей, Северная торгово-промышленная палата, компания «Статойл», предприятия морского профиля и др. (всего 96 организаций), можно рассматривать как начальную фазу формирования морепромышленного кластера.

Архангельская опорная зона. В последние годы большинство предприятий Архангельской области ориентированы на поставки продукции для масштабных нефтегазовых проектов (разработка нефтяного месторождения Приразломное, строительство Варандейского терминала, а также разработка газового месторождения Бованенково на западном побережье Ямала). Восемь лет назад в области была создана ассоциация «Созвездие», куда вошли, кроме таких крупных предприятий, как Севмаш и «Звездочка», сотни средних и малых предприятий – поставщиков и подрядчиков нефтегазовой промышленности. Привлекаются высокотехнологичные инжиниринговые компании, устанавливаются связи с региональными и зарубежными операторами отрасли. Только проект «Ямал-СПГ» стал ядром для привлечения 70 местных компаний. То есть практически уже создается нефтегазовый кластер. В целом же в регионе действуют еще три кластера – судостроительный, лесопромышленный и социальный, в стадии создания еще два – биотехнологический и рыбопромышленный. Такова реальная картина в области, где на региональном уровне сложились процессы кластеризации, ясное понимание необходимости кооперации и взаимодействия с целью достижения большей выгоды для каждого уровня предприятий и устойчивости на рынке труда.

Большие перспективы связаны с *Ямало-Ненецкой и Ненецкой опорными зонами*, где расположены главные центры добычи углеводородов в Арктике. Эти два субъекта Федерации не только сами достигли успехов благодаря развитию добывающих производств, транспортной инфраструктуры, но и являются крупными заказчиками различной продукции за пределами своих регионов, притягивая множество предприятий, фирм, научных центров, формируя нефтегазовые кластеры современного типа.

Предложение о создании *Северо-Якутской опорной зоны* воспринято в Республике Саха (Якутия) местными органами власти как очень перспективный проект, имеющий большой задел [11]. Прежде всего, появилось обоснование для возрождения морских портов Тикси и Зеленомысский, где сохранились и бетонные пирсы, и гидробазы; предстоит реновация флота класса «река – море», что обеспечит модернизированный Жатский судостроительный завод. В дальнейшем предполагается запуск кратчайшего меридионального транспортного коридора с северо-запада Китая в Западную Европу через Сковородино, Якутию и Севморпуть.

Норильская опорная зона в арктической части Красноярского края уже располагает двумя мощными кластерами, занимающими одно из ведущих мест в Восточной Арктике. Ядром первого из них является горнохимический Норильский комплекс (один из основных пользователей Северного морского пути). Второй формируется на базе нефтегазовых месторождений Ванкорской группы, расположенных в Таймырском и Туруханском районах.

Воркутинская и Чукотская опорные зоны [12] пока видятся в контурном изображении на карте социоэкономического пространства Арктики, поскольку их исключительный сырьевой потенциал, который уже был задействован в определенной степени в советские времена, в последние годы используется слабо: значительная часть здешних горнодобывающих центров с начала рыночных реформ переживают серьезный спад или были выведены из промышленного использования. В ближайшее время, очевидно, не стоит ожидать быстрого изменения ситуации: государство не ставит промышленное развитие месторождений полезных ископаемых этих территорий как задачи первого порядка, а частные инвесторы не готовы рисковать

в одиночку. Важно, однако, что эти территории законодательно будут заявлены как зоны опережающего развития, которые по мере востребованности внутреннего и международного рынков, появления заинтересованного бизнеса смогут получить поддержку государства.

В заключение

Рассмотрение перспектив развития опорных зон, представленных в проекте ФЗ «О развитии Арктической зоны РФ», показывает, что сохраняется индустриальная схема освоения Арктики на базе ресурсоэксплуатирующих отраслей. Гармонизация процесса освоения, когда учитывается значимость всех видов природных ресурсов суши и моря, возобновляемых и невозобновляемых, в документе не ставится во главу угла, и это вызывает тревогу. Между тем начальный этап освоения, типичный для значительной части территорий Арктики, особенно – для прибрежных зон, наиболее динамичных в природном отношении и экологически уязвимых, дает возможность использовать опыт уже освоенных аналогичных местообитаний в других странах, избежать исторически накопленных ошибок, применить новые мировые методы и технологии последних 20 лет.

Новый законопроект предусматривает финансовое обеспечение мероприятий и приоритетных проектов за счет бюджетной системы РФ и внебюджетных источников, в соотношении 1:4. Но при таком распределении финансовых вложений трудно ожидать большого энтузиазма со стороны бизнеса. Хорошо известно, что в регионах со сложными природно-климатическими условиями государство должно идти впереди и создавать инфраструктуру, которая и привлекает впоследствии бизнес.

Как и в предыдущие годы, Арктику ждет относительно низкий уровень финансирования инвестиционных программ. При этом очевидно, что для большей эффективности использования ограниченных средств при разработке стратегических документов и основных законов, которые будут определять условия и направления Арктической зоны, следовало бы активнее привлекать уже наработанный арсенал научных предложений ведущих научных центров, десятилетиями связанных с Арктикой и ее проблемами. В действительности главной ожидаемой целью нового закона было создание работающего алгоритма

для решения стратегических задач будущего развития России в арктическом регионе.

После почти 20-летнего забвения Арктики со стороны государства настоящий период можно рассматривать как возвращение в высокие широты, но с пониманием того, что в XXI в. это должно происходить на принципиально новой мотивационной и технологической основе. Предыдущий период с максимально активной деятельностью в 1950–1980-е годы отличался не только высокими финансовыми и трудовыми затратами при определяющей роли государства, но и ознаменовался приобретением огромного опыта в решении сложнейших технических и технологических задач, что вывело страну на передовые рубежи освоения Арктики в мире. Однако на современном этапе при разработке новых концепций освоения и подходов необходимо учесть главные выводы из трудного опыта прошлых десятилетий:

1) Арктика не прощает ошибок, ее освоение – это не спринт, а долгий марафон;

2) с Арктикой нельзя «бороться», надо понять ее специфику и закономерности развития и грамотно встроиться в природные процессы, не разрушая техногенным воздействием экологический баланс, чтобы не усложнить жизнь и работу здесь будущим поколениям;

3) применение высоких технологий, наукоемкой продукции, инновационных подходов – отличительная особенность процесса освоения Арктики; их главные цели – эффективная и безопасная разработка ресурсов, минимизация человеческого участия в производственных процессах, создание материалов и технических средств, способствующих снижению затрат на все виды работ при сохранении высокой надежности их эксплуатации;

4) при разработке новых концепций развития Арктики и подготовке новых законодательных инициатив необходимо учитывать уже имеющиеся и оправдавшие себя эффективные научные методы по организации социоэкономического пространства.

Литература

1. Ивантер В. В., Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Арктический сверх-проект России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. – 2014. – № 6 (38). Т. 7. – С. 6–24.

2. Крюков В. А. Северная коллизия «пространства – времени» // ЭКО. – 2016. – № 3. – С. 2–5. URL: <http://ecotrends.ru/rubriki/81-2011-11-29-17-41-58/2418-column201501>
3. Лаженцев В. Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 43–56.
4. Российская Арктика: современная парадигма развития // под ред. академика А. И. Татаркина. – СПб: Нестор-История. РГНФ, 2014. – 844 с.
5. Басангова К. М. Проблемы и факторы устойчивого развития Арктической зоны РФ // Управленческое консультирование. – 2014. – № 3. – С. 56–59.
6. Подоплекин А. Об арктических суперпроектах и скромных арктических людях // Бизнес-Класс. Архангельск. Газета. – 2016. – 3 марта. URL: <http://www.bclass.ru/aktualno/aktualno/strategicheskayanoitochka-ili-eshche-raz-ob-arkticheskikh-super-proektakh-i-skromnykh-arkticheskikh/>
7. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных регионах // Программа российско-канадского сотрудничества. Минэкономразвития. – М., 2008. – 163 с.
8. Новости государственного управления в Арктике // Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России. Вып. 7–8 (1–31 мая 2017). Центр экономики Севера и Арктики. – М., 2017.
9. Королев В. И. Инновационные территориальные кластеры: зарубежный опыт и российские условия // Российский внешнеэкономический вестник. Мировая экономика. – 2013. – № 11. – С. 20–27.
10. Мурманский транспортный узел и региональная портовая особая экономическая зона могут стать опорными зонами развития Арктики. URL: <http://www.b-port.com/news/item/173165.html> (дата обращения: 10.03.2016).
11. Егоров Б. Перспективы развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Доклад на XX ПМЭФ, Конференция по экономическому развитию Арктики, 2016–16–18 июня.
12. Мошков А. В. Опорные зоны развития экономики Северо-Восточных регионов Дальнего Востока // «Всеобщее богатство человеческих познаний». М. XXX Крашенинниковских чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский, 2013. – С. 208–211.